

Агроном Кегель на Камчатке: 6 лет упорного труда

Людмила Садовникова

Камчатская земля познала немало зарубежных ученых, каждый из которых внес свою лепту в ее освоение и изучение. Особое место среди них занимают немецкие ученые.

Тема «Немцы в России», по известным причинам преданная забвению в течение нескольких десятилетий, получила новый импульс в 1990-е годы, когда в Российской Академии наук в Санкт-Петербурге был организован семинар «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи».

В разные исторические периоды, во всевозможных климатических и социальных условиях дореволюционной России жили и трудились выходцы из Германии и их потомки. Об этом свидетельствует книга «Немцы в России», изданная в Санкт-Петербурге в 2004 году по инициативе Федерального канцлера ФРГ Шредера и Президента России Путина. В ней упоминаются заслуги известных немецких деятелей и ученых, начиная с XV века, в т.ч. хорошо известных нам Георга Вильгельма Стеллера, Даниила Готлиба Мессершмидта, Иоганна Георга Гмелина и т.д.

В 1724 году императором Петром I в новой столице России было создано первое в стране научное учреждение – Петербургская Академия наук. Из 13 академиков первого состава девять являлись немецкими учеными, приглашенными для работы в Россию. Их приглашение не только оправдало себя, но и в значительной степени определило успех академической науки в XVIII веке.

В декабре 1725 года состоялось торжественное открытие Академии. Первым президентом Академии наук был немец по происхождению, родившийся в Москве, Роберт-Лауренс Блюментрост (1692-1755). Он учился в Галле, Париже и Лейдене, хорошо ориентировался в естественных и гуманитарных науках. Из 111 членов Академии было 67 немцев, т.е. 60%. Каждое из имен – определенная страница в истории Академии наук.¹ С момента основания Петербургская Академия наук поставила целью с помощью научных экспедиций и исследовательских путешествий отдельных ученых внести вклад в изучение географии, геологии, ботаники, экологии и истории нашей страны, а также особенностей живущих на ее территории народов. Выдающаяся роль отводилась разведке и изучению Сибири с ее многочисленными природными богатствами. Значительное участие в этом принимали преимущественно немецкие ученые. Бесчисленные работы этих ученых по естествознанию и этнографии Сибири и Камчатки хранятся в русских Архивах и, к сожалению, большая часть из них и по сей день остается неопубликованной.

И как справедливо отмечает Б.Г. Островский в своей книге «Великая северная экспедиция»:

1 Немцы в России 2004: 61, 67.

«... Не было своевременно известие современникам, какими средствами и ценой каких жертв удалось участникам экспедиции осуществить столь значительные исследования, но и сами результаты этого исполинского труда оказались во многом забытыми, и даже по сию пору они недостаточно еще разработаны. В наше время плоды предпринимаемых нами экспедиций становятся достоянием широкой гласности. Не так было в те далекие времена. Печать таинственности и сугубой секретности – вот обычные спутники тогдашних экспедиций.

Результаты от этого получались весьма печальные. Груды отчетов, рукописей и дневников сваливались в уездные архивы, почти ни для кого не доступные, и нередко там погибали. Да при слабом состоянии тогда науки на Руси никто собственно и не интересовался содержанием отчетов, полагая, что можно обойтись и без них. В результате изучения уцелевших отчетов и сопоставлений их с данными, опубликованными за границей иностранцами – участниками экспедиций, постепенно стали вырисовываться огромные и бесспорные достижения, а также и роль главнейших участников экспедиции. И все же многое еще из жизни и работ этих бесстрашных пионеров Велико-го Северного морского пути для нас не ясно, много еще отчетов покоится на пыльных полках в наших архивах в ожидании своего историографа».²

Книга Вернера Фридриха Гюльдена «Научно-исследовательская экспедиция на Камчатку» (путешествия и впечатления Иоганна Карла Эренфрида Кегеля с 1841 по 1847 годы), первое издание давно забытой авторской рукописи, опубликованной издательством Бёлау в Кёльне, Веймаре и Вене в 1992 году, является еще одним ярким подтверждением участия немецких ученых в изучении и освоении Камчатки. Имя агронома Иоганна Кегеля, посвятившего почти 6 лет своей жизни исследованиям многих районов Камчатской земли на предмет геологии, почв, пригодных для земледелия и разведения домашних животных, а также различных сторон жизни местного населения, по праву должно занимать место в книге «Немцы в России», изданной в Санкт-Петербурге в 2004 году по инициативе Федерального канцлера ФРГ Шредера и Президента России Путина. В ней упоминаются заслуги известных немецких деятелей и ученых, начиная с XV века, в т.ч. хорошо известных нам Георга Вильгельма Стеллера, Даниила Готлиба Мессершмидта, Иоганна Георга Гмелина и других.

Дневники Кегеля выпущены только через 150 лет после завершения его экспедиции на Камчатку. По этой причине Кегель практически не значится в числе немцев-ученых, хотя большую часть своей сознательной жизни, а именно с 1826 года, трудился на благо России, куда судьба забросила его в силу семейных обстоятельств. Он жил и работал в Петербурге, Саратове, Одессе, где и умер в 1863 году в возрасте 79 лет. Он был очень грамотным агрономом, отличным ботаником и хорошим почвоведом и геологом. К тому же имел неисчерпаемый интерес к жизни людей, их нравам и обычаям.

2 Островский 2003: 7.

В «Историческом очерке главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 годы», впервые напечатанном в 1869 году, Александр Степанович Сгибнев так упоминает назначение Кегеля:

«12 ноября 1840 года состоялось положение комитета министров о посылке от министерства государственных имуществ в Камчатку на два года агронома для собрания верных данных о климате и почве Камчатки и составления основательного заключения о том, какое хозяйство возможно и полезно на полуострове. Для этой цели был избран прусский подданный Кегель, которому положено было жалования по 857 рублей в год, три пуда муки и 10 фунтов крупы в месяц на счет 3803 рубля, накопившихся в Камчатке от суммы, ассигнуемой на устройство там оранжерей.

Портрет Иоганна Карла Эренфрида Кегеля, вероятно из 1820 г. (с любезным разрешения Вернера Фридриха Гюльдена)

В инструкции Кегелю, между прочим, было сказано: по прибытию в Камчатку сделать посев озимых хлебов. Делать опыты над разведением картофеля, гречихи, репы, брюквы, капусты и хлебных растений. Стараться раз-

вести яблоки и разные кустарные породы, свойственные климату, увеличить скотоводство и молочное хозяйство. Принять в свое ведение двух учеников садоводства и ремесленную школу, которую привести в лучшее устройство, и выучить учеников таким занятиям, какие могут быть полезны в домашнем быту тамошних жителей. Составить описание Камчатки в ботаническом отношении и вести в течение двух лет метеорологические наблюдения. В отношении почвы исследовать плодородность, составные части и глубину ея, а также и свойство подпочвы. На пути к Охотску осмотреть хлебопашество в Якутской области и Охотском крае. По истечении двух лет представить обо всем отчет министру государственных имуществ».³

Свое путешествие Кегель начал в мае 1841 года. Из Петербурга на Камчатку путь лежал через Сибирь: Урал, Иркутск, Якутск, Охотск. Поздней осенью того же года на бриге «Камчатка» он плывет из Охотска на полуостров. И уже в самом начале пути команда попадает в сильнейший шторм, который вынуждает ее пройти мимо вулкана Аделаида и Курильских островов и высадиться на западном побережье Камчатки, в Большерецке. При этом корабль получил существенные разрушения, более того, о чем Кегель особенно сожалел, пострадала большая часть семян; новые были получены им только в 1843 году.

Если в Сибири уже наблюдался какой-то расцвет, то, по словам Кегеля, Камчатка оставалась феодально-коррупцированной. Такой вывод был сделан им неслучайно. Сразу же по приезду в Петропавловскую гавань Кегель составил свой первый отчет в Министерство государственных имуществ и генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту, о чем тут же было доложено начальнику Камчатки Н.В. Страннолюбскому. В тот же день в 10 часов вечера его навестил статский секретарь Муцайлевич, с которым Кегель имел неприятный разговор. Муцайлевич в категоричной форме предложил Кегелю предоставить все «им»: «...Мы сами позаботимся об этом. Для вас же будет лучше. Здесь вы пробудете недолго, и начальник сделает для вас все, что вы пожелаете». Кегель возразил ему, что по инструкции он обязан в почтовые дни (2 раза в год – летом и зимой) отсылать результаты своей деятельности, на что получил следующий ответ: «По Камчатке, дорогой друг, летом вы едва ли сможете путешествовать. А потому поездка не принесет вам никакой пользы. Следуйте моему совету, проводите ваши опыты здесь, и неважно, выйдет из этого что-нибудь или нет, мы все равно вас оценим. Поезжайте по Камчатке зимой, так будет удобнее. Когда камчадалы узнают, зачем вы здесь, они поддержат вас, и вы вернетесь назад богатым. Начальник даст вам самый лучший отзыв, и вы спокойно уедете в Петербург». Кегель ответил: «Так не пойдет. Я должен осмотреть все сам и сделать вывод, можно ли здесь что-либо сделать для пользы государства и народа или нет. Таким образом, мой долг сообщать о своих наблюдениях и результатах опытов». «Ну, тогда, дорогой друг, если вы не согласны, вам же

3 Сгибнев 2008: 94, 95.

хуже. Мы могли бы позаботиться обо всем и без ваших усилий!» Но почти все-таки отправили!⁴

Далее он пишет о «беспределах» начальника Камчатки Страннолюбского, в частности о контроле рынком, куда привозился товар со всего полуострова, который в первую очередь осматривал начальник и его подчиненные, и в случае, если он им нравился, то они брали его в 2-3 раза дешевле, чем он того стоил.

Тема коррупции поднимается Кегелем в его описаниях неоднократно. Виной всему была пушнина, к которой Петр I проявил необычайный интерес и тем самым развязал руки местным чиновникам. Под «личной» государственного заказа они преследовали свои интересы. Кегель не скрывал своего негативного отношения к этому вопросу, за что местные власти его не любили и всячески препятствовали его передвижениям по Камчатке, ссылаясь на отсутствие дорог, лошадей и собачьих упряжек. Однако, Кегель, как истинный ариец, был слишком принципиален, упрям и непримирим. Не секрет, что его «скверный» характер был причиной многих недоразумений и зачастую мешал ему. Об этом свидетельствует и предисловие к книге профессора доктора Ганно Бека, который на основании ее содержания так характеризует Кегеля и описывает его пребывание на Камчатке:

«...С первого дня пребывания на Камчатке Кегель должен был столкнуться с большими препятствиями со стороны администрации. Поэтому неудивительно, что циничный губернатор, который стремился только к личной выгоде, мешал исследовательской работе Кегеля, официально поддерживаемой Министерством. Несмотря ни на что Кегель с невероятным терпением, твердостью и добропорядочностью не желал отказываться от своего намерения. Хотя он ничего не заработал и даже лишился собственных средств, его изыскания имели успех. Редко встретишь коммивояжера, который в подобном положении противостоял бы настоящему бюрократическому садизму. Много раз его жизнь подвергалась опасности, а губернатор систематически расстраивал его планы. Измотанный физически, неоднократно избежавший смерти, Кегель все же закончил свое дело. Его описание лишено всякой скуки. Некоторые повторы основных моментов бюрократического произвола осознанно не были опущены, т.к. они являются самой сутью его констатаций и должны показать масштабы беззакония. Коррупцированный губернатор видел в камчадалах лишь поставщиков соболиного меха, приносящего ему значительный доход. Он принуждал своих подчиненных к подобным действиям и спаивал старательных и способных людей, вместо того, чтобы помогать деловому населению со скромными средствами. Это все Кегель очень хорошо осознавал».⁵

4 Кегель 1992: 101, 102.

5 Там же, «Предисловие». С. VIII, IX.

Итак, весной 1842 года Кегель с учеником Сорокиным отправился в путешествие по полуострову и, осмотрев его, представил министру Киселеву свои соображения, с которых и продолжились неприязненные отношения Кегеля с начальником Камчатки Страннолюбским, вступившем в управление Камчаткой за год до прибытия Кегеля. В подтверждение этого возвратимся к «Историческому очерку...» Сгибнева, в котором он приводит слова, написанные Страннолюбским генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту: «...Кегель не более, как шарлатан, от которого нельзя ожидать никакой пользы».⁶

Кегель, узнав о таком «отзыве» о нем Страннолюбского, начал писать беспрестанные на него доносы министру, который вынужден был написать генерал-губернатору, чтобы он сделал Страннолюбскому строжайшее замечание. При этом он просил перевести ремесленную школу из Петропавловской гавани в Мильково, где Кегель мог бы иметь за нею присмотр, потому что она, по словам Кегеля, доведена была до упадка и т.д.

Следует отметить, что Кегель, как ученый и агроном, известен Камчатке, в основном, благодаря упомянутому «Историческому очерку...» А.С. Сгибнева, мнение которого в отношении Кегеля несколько предвзято.

Так, по словам Сгибнева, Кегель высказался за уничтожение собак на Камчатке. На самом деле такого категорического заявления Кегель не делал. Цитирую: «Многочисленные собаки, которых необходимо было содержать, и которых плохо кормили, уничтожали все. Даже если бы нынешний начальник приказал держать собак на цепи, то, к большому сожалению, как я много раз уже убеждался, это распоряжение едва ли было бы исполнено. Вот если бы для жителей были доставлены хорошие охотничьи собаки, то можно было бы сократить количество «плохих» камчатских собак, совершенно не пригодных для езды, а в некоторых районах и вовсе ликвидировать, поскольку неглубокий снег в восточной части полуострова, а также частично в долине реки Камчатки, позволяет передвигаться на лошадях».

И далее он пишет: «Из-за голода собаки пожирают все, что им попадается. Без присмотра нельзя оставить ни шкуру, ни сапоги, иначе по возвращении находишь все или, по крайней мере, часть вещей изъеденными; это, к сожалению, я испытал на себе».⁷

Неудивительно, что Карл фон Дитмар, немецкий геолог, приехавший на Камчатку четыре года спустя после отъезда Кегеля с Камчатки, в своих трудах не упоминает деятельность Кегеля, тем более что, по словам Дитмара, он много раз обращался в канцелярию губернатора Камчатки. По всей вероятности никаких документов, касающихся Кегеля, там просто не сохранилось.

6 Сгибнев 2008: 95.

7 Kegel 1992: 421, 422..

Но вернемся к книге Вернера Гюльдена. Хочется остановиться на некоторых описаниях местностей и населенных пунктов, которые Кегель делал с немецкой точностью и мельчайшими подробностями. Им были учтены каждый дом, каждый житель, каждая единица крупного рогатого скота, не говоря уже о реках, озерах и ручьях, горах и долинах, видах деревьев и растений, животных и птиц и т.д. А какой содержательный доклад описания большого полуострова Камчатки от 15 декабря 1842 года сделал Кегель! В нем он подробно, на более чем 30 страницах печатного текста описал Петропавловскую гавань, долины рек Авача, Апача, Камчатка, Еловка, реку Быструю, а также весь путь в Тигиль и на западное побережье. Объем рукописи, которую его сын Георг привез из Одессы в Германию в 1859 году составлял 560 страниц. Георг не обрабатывал материал. Зато его сын Альфред Кегель, который изучал сельское хозяйство в Галле, ознакомился с материалами и в 1908 году в журнале «Звезда юности» опубликовал статью «Растения в домашнем хозяйстве камчадалов». Позднее в шестидесятых годах двадцатого столетия рукописями заинтересовался правнук Кегеля Штурм Кегель. Он подготовил описания в машинописи исключительно для домашнего архива. Издатель же данной книги Вернер Гюльден является внуком внучки и крестницы Иоганна Кегеля.

Итак, первым населенным пунктом, который посетил Кегель, отправившись в Тигиль, были Малки:

«Открытая, свободная ото льда река вынуждала нас переправляться в маленькой лодке. И вообще, маленькие речушки, плохие дороги и недостаточное количество снега в горах осложняли езду. В Малках я оставался несколько дней, т.к. падал мокрый снег, и без заморозков поездка была невозможной.

Эта деревушка из 11 домов и 74 жителей расположена в более теплой, поросшей травой долине на реке Быстрая. В верхней части долины, где находится курорт, берут свое начало еще много маленьких речек, которые не замерзают и в которых всегда водится форель для предприимчивых людей. Зачастую встречается и поднявшийся из моря по большим горным рекам лосось. Таким образом, здесь никогда нет недостатка в рыбе. Также всю зиму встречаются утки и лебеди. Они круглый год не покидают Камчатку. Почвы предрасположены для садово-огороднической растительности и картофеля. Благоприятный климат позволяет возделывание зерновых культур. Для животноводства пригодны лишь некоторые районы. Если потрудиться, то можно освободить от кустарника обширные участки земли и получить тысячи десятин превосходнейших лугов.

Жители деревни, камчадалы, к сожалению, испорчены русскими. Они обмануты ими, а теперь и сами обманывают других. Они – плохие хозяева, подвержены пьянству и расточительству, к тому же неряшливы. Оживленное прямое сообщение зимой и летом приносит им хорошую прибыль. Местность богата соболями, лисами, россомахой и архарами. Так что, если

хотя бы чуть-чуть постараться, то всегда можно получить приличный доход. Несмотря на это они все в долгах. Они сравнительно мало занимаются животноводством, хотя 80-летний священнослужитель, тоже камчадал, с его большим скотным двором, на собственном примере показал им, насколько это выгодно.

Приблизительно в 5 верстах от деревни в верхней части долины бьют горячие источники, на которых адмирал Рикорд построил баню. Я побывал там 18 апреля 1842 года, купался и пил обогащенную серой воду. Летом едва ли можно найти более приятное место, чем это. Выше источников за горами, которые у основания покрыты березняком, а на вершинах - зеленой альпийской растительностью, тянутся длинные ровные долины с маленькими, богатыми форелью речушками, несущими чистейшие и полезные для здоровья воды. Возбраться на горы можно только пешком или на лошади. Оттуда открывается прекрасный вид на восточную Камчатку с действующими и потухшими вулканами, вплоть до мирового океана. Прекрасный чистый воздух, и никаких болот. Изобилие растительности радует глаз: прекрасная, свойственная только Камчатке, каменная береза с ее большими темно-зелеными листьями и тонкой, как бумага, верхней корой; под ней мелколиственная береза с ее хрупкими ветвями; кустарниковая ольха и, наконец, последний по высоте кедровый стланик; а также зеленый ковер прекрасных альпийских трав и пестрых альпийских цветов, среди которых красивые желтые рододендроны, сплошь покрытые цветками, похожими на невысокие красные гортензии, азалии с белыми и красными колокольчиками, андромеды, лютики, генцианы создают прекрасный вид и манят подняться в горы.

Из-за оттепели я вынужден был провести пасху в Малках, и 19 апреля 1842 года имел удовольствие попробовать яйца диких уток. Река и берег были сплошь усеяны речными вальдшнепами и бекасами. И все-таки ранняя весна 1842 года была поздней и холодной».⁸

Практически в каждом описании географических пунктов, камчатских деревень или уклада жизни населения внимание Кегеля обращено к красоте камчатской природы, которая не переставала изумлять его с первой до последней встречи. Вот так он пишет о Камчатской долине:

«Узкая долина, тянущаяся вдоль реки Камчатка, имеет совсем другие особенности, чем покинутая нами Ганальская долина, где бури зимой зачастую так неожиданно и сильно начинаются, что приходится 6-8 дней находиться на одном месте, т.к. вокруг только сыпучий, подвижный снег, и ни одна собака не покидает своего места, не говоря уже о человеке. Здесь, в Камчатской долине, напротив, всегда спокойно и безветренно, но снега в три раза больше, чем там. Красивые березы, в том числе каменные, рябины, осины, у реки высокие тополя и ивы указывают на другой климат и лучшие почвы. Весной и летом я любовался здесь богатой растительностью пре-

8 Там же, с. 116, 117.

краснейших трав и многочисленных растений, которые на возвышенностях долины Ганалы встречаются в редких местах. Однако там огромное количество брусники, черники, малины и немного княженики, а соседние долины богаты луком, травами и растениями.

Будто вступаешь в другую страну, хотя и лежащую очень высоко, но с роскошной флорой и прекрасным теплым летним климатом. Долины расходятся налево и направо, самая большая из них, что тянется далеко на восток - Медвежья долина, длина которой более 18 верст. В конце этой долины - переход через горы, достаточно утомительный, но тот, кто находит путь, тот в летний период проходит расстояние в 60 верст от Пущина до Петропавловской Гавани, в то время как обычный путь составляет, по меньшей мере, 270 верст. В конце долины в большом водном бассейне находится горячий источник. Но сама река, пересекающая долину, протекает севернее, между высокими скалами, которые пропускают только ее. Тем не менее, на западной стороне имеется узкий проход. Если его преодолеть, оказываешься между скалистыми горными пастбищами в ужасно глубоком узком ущелье, совсем теплом, конца которому я, однако, не знаю. В нем по обеим сторонам маленькой реки бьют 70 горячих ключей, вкус воды которых не обычен и имеет свойство смягчать кожу и делать ее нежной».⁹

Далее его путь лежал через Ганалы, Шаромы в Мильково, где он позднее провел немало опытов по посеву овощных и зерновых культур. Вот так он описывает это поселение:

«Мильково расположено в версте от главной водной магистрали на небольшом притоке реки Камчатка, который сейчас, правда, очень мелководный, но в нем – хорошая рыбалка. Это русская христианская деревня с 22 домами и 188 жителями. Деревня построена на совершенно ровной поверхности в форме большого квадрата и примыкающего к нему маленького поселения в виде улицы, ведущей на Верхне-Камчатск. Раньше, под управлением генерала Кошелева и старосты Еланцова, который в 8 верстах отсюда в Цыганке держал 50 голов крупного рогатого скота и 30 лошадей и славился возделыванием зерновых культур, ежегодно продавали зерна на более чем 1000 рублей. Сейчас, под плохим руководством старосты Кокшарева все поля заросли кустарником.

Поголовье скота составляет 75 единиц крупного рогатого скота и 4 лошади. Летом здесь выращивают немного картофеля и овощей, рыбачат, собирают ягоды и сараны, вот практически и все занятия опустившихся ленивых крестьян, из которых, быть может, двое не заслуживают такой характеристики, остальные же, в том числе и староста, – лентяи и лжецы. Казалось бы, что человек, в домашнем хозяйстве которого три здоровенных мужика, мог бы накопить сено для двух коров и одной лошади. Однако подобного не случалось ни один год. Та же ситуация и с его огородом: каждый год он запрашивает семена картофеля у камчадалов. При этом он старший староста

9 Там же, с. 124, 125.

четырёх камчадалских деревень, которые он должен был бы поддерживать. Но вместо этого, наоборот, они содержали его. Несмотря на это он получил от Голенищева серебряную медаль за земледелие и скотоводство, не имея никаких достижений в этих отраслях и плохо исполняя свои обязанности; скорее за то, что ежегодно дарил красивую чернобурку и соболя.

Так что здесь я обнаружил только голод. Мои 16 уток и 3 глухаря были съедены в его доме за два дня. Корова околела от голода. Огороды не были обнесены заборами, и в них не велось никакой работы. Я только и слышал от него: «Еще не время. Лето у нас длинное и жаркое. Все еще успеется, даже если мы посеем в середине или в конце мая». Я хотел привезти различные сорта пшеницы для пробного посева, но в деревне не нашлось ни плуга, ни железной лопаты. Восемь человек два дня работали деревянными лопатами (шириной в руку) и не раскопали даже двух квадратных сажень земли. Настолько ленив и никчем стал здесь народ. Я засеял этот кусочек земли и дал для распределения полпуда гималайской пшеницы, пуд шестирядного ячменя, 30 фунтов овса для посева ему и другим крестьянам, т.к. только один из них имел немного ячменя. При столь плодородной почве я надеялся на хороший урожай, тем самым хотел оказать помощь крестьянам и приобщить их к работе. Но голод заставил старосту и его родственников использовать семенную пшеницу на кашу и съесть ее. Таким образом, по возвращении, я узнал, что ничего не было распределено и посажено. Только садово-огороднические семена были посеяны, и урожай получился превосходным.

Климат и почвы вокруг деревни и по дороге на Верхне-Камчатск – очень хорошие, лугов достаточно, ивняка – в изобилии. Но в низких впадинах с многочисленным кустарником, источниками и вытекающими из них речушками растет цикута (ядовитое растение). Поскольку ее невозможно выколоть, то ежегодно весной это стоит жизни нескольким голодным коровам (проще было бы их просто уничтожить). Несмотря на приказ о поддержании свободного подхода к поселению, древесная растительность простирается вплоть до самой деревни: так легче стрелять в первого соболя. Я побывал также на равнине, расположенной по направлению на Верхне-Камчатск, где раньше с большой выгодой занимались земледелием, и находился государственный скотный двор с более чем 100 голов рогатого скота и крупная конюшня. Теперь все заросло молодыми березками. Там, где было множество лугов, протекают две богатые рыбой речушки с чистой водой.

Отсюда до Кирганика, камчадалской деревушки, всего 15 верст. Большие русские деревни создавались для крестьян. Чтобы каюры не мешали им заниматься земледелием и скотоводством, для них были выбраны лучшие площади, близ камчадалских деревень, которые должны были нести теперь всю тяжесть ответственности и платить налоги. Это как раз и является причиной того, что жители предаются лени. Первые обитатели тогда еще очень маленького поселения под управлением майора Бёма, старательного и поря-

дочного фермера, были зажиточными. Он сам был достойным человеком и держал крестьян в узде. Палкой выгонял на работу ленивых – единственное средство заставить такого рода людей трудиться. Но все постепенно угасало: люди, становясь руководителями, не поддерживали земледелие, благосостояние и деятельность, а медалями награждали только тех, кто поставлял много соболя. Очковтирательство, которым занималось Камчатское сельскохозяйственное общество, расположенное ниже Старого острога у Петропавловской гавани, служило, должно быть, только для того, чтобы говорить, что на Камчатке ничего не растет, в то время как само позволяло, чтобы в глубинке все приходило в упадок.

Кирганик (Кирги), расположенный на реке с одноименным названием и на реке Камчатка – маленькая деревушка из 6 домов и 66 жителей. Здесь больше, чем в Мильково, занимаются огородничеством и скотоводством, несмотря на то, что земля и луга ничуть не лучше. Они держат свыше 50 голов крупного рогатого скота и 11 лошадей. Здесь уже вошла яровая рожь, ячмень и яровая пшеница. Горох и лен, семена которых я раздал, были сразу же высеяны рядами. Отсюда начинается лесной массив из необычайно высоких лиственниц, елей, берез и осин. Березы и осины доминируют на пожарищах, но позже их перерастают лиственницы. По всей Шаромской долине и до этих мест они, наряду с осинами, составляют основу огромного лесного массива. В то же время здесь встречаются высокие и средние сорта рябины. Карликовая форма с большими вкусными плодами растет только на берегу моря и высокогорных местах. Также между высоких стволов здесь можно увидеть черемуху обыкновенную и боярышник. Стволы боярышника толщиной в 6-8 дюймов, длиной в 3 сажени используют для сушилен под рыбу, т.к. они очень прочные. Боярышник – красивое дерево, как во время цветения, так и с плодами. Только медведь часто портит его из-за ягод.

Уже на полпути от Милькова до Кирганика в лесу, который простирается на западном берегу многоводной реки вплоть до Чапина, наталкиваешься на небольшие болотца. Но большая часть покрыта хорошей травой. Несколько верст ниже Кирганика болот уже больше, правда, встречаются они реже, но ширина их – до версты. Среди болот – длинные узкие озера, которые летом годятся для обитания лебедей и диких гусей. Здесь же и вальдшнепы всех видов, особенно большие длинноносые вальдшнепы. Бросается в глаза, какие все же жирные эти болотные и водоплавающие птицы, по сравнению с обычными. Через лес протекает много речек, берущих свое начало с западных гор, среди которых Кимитма (недалеко от Машуры) – самая большая и очень богата рыбой. Как только доходишь до Машуры, прямо в лесу упираешься в крупное озеро, длина которого несколько верст и местами такая же ширина. На нем плавают утки всех видов. Из него вытекает небольшая речушка и, протекая мимо Машуры, впадает в реку».¹⁰

10 Там же, с. 135–138.

Далее путь Кегеля лежал в Ключи, Нижне-Камчатск и Усть-Камчатск, которые описаны им следующим образом:

Итак, «Ключевское (Ключи) – большое село с церковью, состоит из 40 домов с 268 жителями, у которых 115 голов крупного рогатого скота и 67 лошадей. Это единственная деревня, в которой еще занимаются хлебопашеством: выращивают ячмень и пекут из него хлеб, который, по правде говоря, не так много значит, поскольку огромное количество рыбы, которая здесь ловится, практически заменяет хлеб. Однако один крестьянин по фамилии Тюменцев в последнее время получил ячменя больше обычного, раньше в среднем он выращивал 400 пудов прекрасного ячменя; на этом он хорошо заработал, т.к. ячмень хорошо раскупается камчадалами на кашу и хлеб. Еще здесь выращивают овес, который растет очень хорошо. Я также высеял кое-что и раздал несколько сортов пшеницы для посева. Таким образом, я мог быть уверен, что сейчас, так или иначе, как и раньше будут расти озимая и яровая рожь, яровая пшеница, овес и лен.

Очень хороший чернозем состоит из трехдюймового толстого слоя земли и слоя пепла, затем идет та же земля толщиной в два дюйма на сером перемежку с пеплом песочном грунте, который обладает достаточной влажностью.

Верхняя часть вулканической горы почти вся покрыта облаками. Из нее выступает высокий, похожий на сахар, вулкан, который во время всего моего пребывания никогда не уменьшал высокие столбы огня и с мощным грохотом выбрасывал огромные массы раскаленного камня и песка. Непрерывные колебания земли вместе с бликами огня в первую ночь не давали мне спать. С изумлением я созерцал огненные столбы с периодическими, сильными выбросами, которые то тут, то там разливались горячими полосками длиной несколько сот саженей. Вулкан находится в 35 верстах от деревни, и можно легко дойти до основания конуса, что я и сделал в начале августа 1842 года, когда был там. Сам вулкан имеет внушительную высоту и вряд ли кто-либо может достичь его вершины, во-первых, из-за крутизны стен, состоящих из скатывающихся обломков пород, песка и пепла, тем самым лишая опоры, во-вторых, из-за неопределенности выбросов раскаленной лавы.

У подножия вулкана с северной стороны лежит большое количество ила, перемешанного с камнями и песком, что указывает на то, что вулкан выбрасывает еще и водяные массы. Из поверхности вокруг него возвышаются другие, похожие на него высокие конусы. Неподалеку с южной стороны виден почти такой же высоты потухший вулкан из изобилующей шлаком красной лавы, чья северная сторона представляет собой крутой склон. Еще дальше стоят несколько гор пониже, среди них много возвышенностей вулканического происхождения и большие потухшие кратеры. Вся горная цепь с восточной стороны корякской земли состоит из действующих и потухших вулканов. Самый высокий – вулкан Камчатка, у основания которого берет свое начало одноименная река. Этот вулкан и вулкан Ключевской значи-

тельно выше, чем Авачинский. Я не сомневаюсь, что его высота свыше 2000 футов, и я полагаю, что высота остальных вулканов не превышает 1200 футов, несмотря на то, что вулкан Камчатка расположен на твердой горной породе, так как на нем нет снега; снег лежит лишь в ущельях. Во всяком случае, летом я часто видел, что вулкан Ключевской покрыт снегом, но на следующий день из-за сильной жары его уже не видно.

Только в конце августа в ущельях я видел полосы твердого снега и льда, но не на ровной поверхности. Здесь повсюду растут альпийские растения и прекрасная богатая трава для пастбищ архарам и северным оленям, которые, в основном, здесь и пасутся. И все же мне пришлось захватить непредвиденные ночные заморозки, которые, правда, вскоре растопило солнце; так что мне посчастливилось застать прекрасную погоду. К сожалению, уезжать я должен был в сильный дождь, который несколько дней лил в горах. На другой день утром я увидел, что на вулкане лежит снег. По горам я путешествовал на лошади, так как вообще все горы Камчатки, если, конечно, не хочется подниматься по скалам, доступны только на якутских лошадях. Эта порода лошадей настолько надежна и хороша и я сомневаюсь, что она превосходит кавказскую горную породу.

Для земледелия можно было бы приспособить всю площадь от основания вулканических гор до горной цепи Радуга. Ниже деревни раньше стоял монастырь, который, как видно еще по полям, занимался земледелием. Также и выше деревни я нашел много раскорчеванной и вспаханной земли. Но все прошло в негодность при смене многих, чаще всего, плохих руководителей».¹¹

«Точно также как россияне называют Волгу матерью России, так и камчадалы называют здесь реку Камчатка; и это на самом деле так и есть, поскольку ни одна другая река не поставляет так много продуктов питания, как Камчатка. Наполненная тюленями и миллионами прекрасного лосося, покрытая тысячами гусей, уток, гагар, а по берегам всеми видами вальдшнепов, заселенная огромным количеством медведей, она в полном изобилии поставляет все, что необходимо человеку.

А что еще она могла бы дать, если бы по ней ходили пароходы, которые превращали бы древесину, каменный уголь и металлы в деньги и товар. На самом деле, благодаря богатствам и выгодному местоположению Камчатку еще ожидает блестящее будущее в плане торговли с Китаем, Японией, Филиппинами, прилегающими островами, Америкой. Для этого лишь необходимо освоить богатые залежи золота, серебра, меди, ртути, железа и каменного угля.

Дальше от Каменского тянется горная цепь Радуга, с которой с южной стороны в Камчатку впадает немаленькая река, создавая огромную запруду. Река образовалась много лет тому назад, когда еще огромный водоем был заполнен водой, а обширная долина Камчатки имела только крупные озера, точно также как это было в Америке. Об этом свидетельствует много про-

¹¹ Там же, с. 158–160.

явлений, например, большое водохранилище между горами Радуга и горами ниже Нижне-Камчатска. Через все эти горы сквозь узкие тесные ущелья река нашла себе выход к равнине у моря. Это большие и довольно высокие горы, тянущиеся с юга на север свыше 50 верст. Тем не менее, я не увидел гранит, только кварц со слюдой и много зеленоватого сланца. Горы покрыты каменной березой, горной ольхой, кедровым стлаником, карликовой рябиной и великолепной травой, которая, если бы местность была обжита, могла бы стать хорошим пастбищем для тысяч голов крупного рогатого скота и овец, пожалуй, месяца на четыре. В отдельных местах обнаруженные руины указывают на то, что раньше здесь стояли несколько камчадалских деревень. Ширина гор, через которые протискивается река, более чем 12 верст. Хотя это и не водопад, река очень глубокая, с сильным течением. На выходе она разветвляется по плоскости в форме котловины и омывает несколько больших островов. Недалеко от правого берега находится крупное озеро (озеро Ажабачье), из которого вытекает небольшая речушка и выше Нижне-Камчатска впадает в большую реку; таким образом, слева от этой реки в Камчатку впадает большая река Радуга, которая прорвалась в бывший город и, чуть было, не смыла всю эту местность. Это заставило жителей строить церковь и жилища на высокогорном плато реки Радуги, где они находятся и по сей день. Здесь достаточно места для домов и огородов.¹²

И далее он дает оценку нынешнему состоянию Нижне-Камчатска: «Сейчас бывшая столица Камчатки, несмотря на самое выгодное местоположение на всем полуострове опустилась до убогой деревни. Здесь остались еще 21 дом, 128 жителей и 59 голов скота. Все коммерсанты и мещане покинули город и вместе с администрацией переселились в Петропавловскую гавань. Больше не осталось даже напоминаний о былом блеске, когда губернатором был генерал с военными, русско-американская кампания имела крупное представительство «Камтур» и проживало много богатых купцов. Бесспорно, это место имеет больше преимуществ для экономики, чем Петропавловская гавань. Оно расположено в центре полуострова, на большой судоходной реке, которая может поставлять все продукты для потребления и торговли. Если еще использовать произрастающий здесь великолепный судостроительный лес, как для собственного судостроения, так и на продажу, и каменный уголь с Швелуча, тогда это место подходит, как нельзя лучше, в качестве столицы.

Правда, здесь невозможно выращивать пшеницу, но ее может поставлять центральная часть полуострова. В Козыревске или в Ключевском можно было бы строить корабли всех видов и спускать их на воду. На прежнем месте можно использовать чрезвычайно хороший смешанный лес, на этом - высокие лиственницы и ели на реке Еловка и на склонах Тигильских гор для больших корабельных мачт. Петропавловская гавань в своих окрестностях, напротив, имеет только березовую, тополиную и ольховую древе-

12 Там же, с. 166, 167.

сину. В любом случае судостроительный лес нужно заказывать в Нижне-Камчатске с большими затратами для казны. Скот можно также перевезти в Петропавловскую гавань, хотя ее ни в коей мере нельзя сравнить с Нижне-Камчатском, где горы Радуга и равнина на море у Усть-Камчатска могут прокормить тысячи голов скота. Эта местность богаче рыбой. Огромные косяки сельди и трески в море также могли бы обогатить торговлю. И хотя река немного илиста, но ее можно легко очистить, так чтобы суда могли подходить прямо к берегу. К тому же недалеко от реки к северу на возвышенности есть маленькие надежные гавани».¹³

А вот так выглядел в то время Усть-Камчатск: «В Усть-Камчатске, расположенном на равнине и состоящем из 3 домов, находится казачий пост с лоцманами. Несмотря на то, что здесь очень ветрено и туманно, у моря хорошо произрастают овощные культуры. Для 23 голов скота пастбищ здесь предостаточно: их хватило бы и для тысячи. Пастись на пастбищах можно круглый год, т.к. снега выпадает мало и он ветром уносится к горам, где и скапливается. То, что жители не испытывают особой нужды в магазинах, позволяет думать, что море дает им все. Здесь можно найти тысячи яиц морских птиц. Осенью петлями ловят вальдшнепов, которые, в основном, питаются ягодами и потому не очень жирные и вкусные. Их засаливают на зиму, как и гусей и уток. В качестве домашней птицы их здесь никто не держит. Из-за многочисленного количества голодных и всепоедающих собак невозможно держать свиней, кур и другую домашнюю птицу. Однако природа еще в состоянии давать их в неограниченном количестве. Рядом с населенными пунктами, особенно в Ключевском и Толбачике, их вылавливают тысячами в расставленные на вырубленных тропинках сети».¹⁴

По пути Кегель обследовал долину реки Еловка и затем в западном направлении через Альпы на лошади выехал в Тигиль. Из Тигиля в Петропавловскую гавань он возвращался другим путем вместе с шаманом из Седанки, через деревню Седанка, Ключи, Крестовск, Козыревск и т.д.

Летом 1843 года Кегель отправился на север Камчатки. В его планы входило еще в феврале выехать из Петропавловской гавани и через Большерецк и Тигиль проехать и исследовать все западное побережье до Лесной и затем отправиться на север до границы с чукчами; и в соответствии с инструкциями провести сравнение с западным побережьем Америки.

«В целом на севере господствует бедность. У людей постоянно не хватает пороха и свинца. Чтобы приобрести это, они расплачиваются пушниной в 4-6 раз дороже, чем это определено правительством. Высшие и низшие государственные служащие извлекают из этого неслыханную выгоду, а бедные для пропитания убивают не только докучливых медведей, но и северных оленей, архаров, диких гусей и морских животных, ловят рыбу или морских млекопитающих.

13 Там же, с. 168, 169.

14 Там же, с. 169, 170.

Практически все жители севера ведут кочевой образ жизни. У них есть селения, в которых они живут только зимой. Летом же они сооружают стоянку у моря или у рек до тех пор, пока рыба идет на нерест.

Здесь я впервые увидел, что собаки едят ягоды. До чего же доводит голод!»¹⁵

Север поразил Кегеля, прежде всего, укладом жизни местного населения. Так, алеуты, по его словам, – очень хорошие, добрые и трудолюбивые люди. «Мне постоянно бросалась в глаза любовь алеутов к детям. Малышей вскармливают грудью обычно 3 года. Я видел уже бегающего большого мальчика, который сосал материнскую грудь. У жителей побережья большая потребность в табаке, который стоит здесь от 2 до 3 талеров. Его курят, втягивая в себя дым, чтобы захмелеть, т.е. быть веселым. Трубки с табаком очень маленькие, в основном, из латуни. Толстый конец трубки обычно набивают мхом. Если он сильно напитан соком, его также курят и пьянеют еще больше...».¹⁶

Добравшись до Лесной Кегель поворачивает обратно и через Тымлат на собаках едет в Палану. Очень примечательно описание летних домиков коряк:

«Все лето из-за рыбалки коряки ютятся в летних домиках. Они, как и всюду на Камчатке, состоят из закрепленного на 4-6 жердях закрытого навеса, полы которого покрыты толщиной в ладонь палками или молодыми корнями. Для сна и сидения широко используются шкуры, под которыми лежит слегка просушенная или зеленая трава. Крыша покрыта частично берестой, частично соломой. Навес расположен на высоте одного аршина и имеет широкий открытый проход, который служит для чистки рыбы и в качестве столовой...».¹⁷

Вернувшись с севера, Кегель снова едет в Мильково, где остается на довольно продолжительное время, с 5 февраля 1844 года по 21 мая 1845 года. Оттуда он предпринимает семидневную поездку в Ключевское, чтобы помочь крестьянам увеличить площади под поля и огороды и раздать семена, о чем немедленно доложили Страннолюбскому, который приказал ему впредь не покидать Мильково и дал распоряжение старосте Кокшареву (Кошкареву) не давать ему никакого сопровождения и вообще не позволять выезжать за пределы деревни. «Стало быть, здесь я больше не был ни государственным чиновником, ни агрономом, а заключенным», – пишет Кегель.¹⁸

Как уже упоминалось, по просьбе Кегеля, из Петропавловской гавани в Мильково была переведена ремесленная школа. И хотя на бумаге она числилась уже 24 года, в ней не было ни мастеров, ни инвентаря, а ее ученики, как правило, окончив школу, не работали затем по специальности, а стано-

15 Там же, с. 274, 275.

16 Там же, с. 259.

17 Там же, с. 262.

18 Там же, с. 335.

вились казаками или матросами. Приняв школу и, как ему было предписано, пять учеников, Кегель обнаружил, что для работы нет ни плуга, ни одной железной лопаты или мотыги (хотя по инвентарной книге инвентарь приобретался и списывался ежегодно), а также никаких продуктов на питание учеников. Только через полгода из Усть-Камчатска ему доставили муку, а лопат он так и не дождался. Кегель на свои деньги приобрел сначала одну, а затем и вторую корову, лошадь; эти затраты ему так и не возместили.

Из Милькова Кегель совершил еще одно путешествие, а именно на южную оконечность Камчатки. Он посетил Шаромы, Пучино, Ганалы, Опалу, Явино, Гольгино и др., добрался до Апачи и вернулся в Петропавловскую гавань. На этом заканчиваются заметки Кегеля о его пребывании на Камчатке.

Его подробные описания действительно производят неизгладимое впечатление. Об этом пишет и Ганно Бек:

«Кегель незабываемо изобразил природу Камчатки. С ее необычайно богатой флорой, грибами и черемухой обыкновенной и т.д., изобилием зверей, поразительным количеством медведей, выдр и водоплавающих птиц он открыл сегодняшнему читателю почти экологический рай. Однако критическое перо Кегеля не прошло и мимо недостатков, которые как раз и портили эту гармоничную картину. Поскольку он на протяжении нескольких лет посетил много населенных пунктов и исследовал их окрестности, то у него была возможность сравнения, из чего, к сожалению, вытекали в большинстве своем негативные перемены. Однако при всем этом Кегель не испытывал ненависти. Напротив, он показывал скорее улучшения, чем распространял критику, в то время как у читателя волосы встают дыбом от горькой несправедливости. Такого исследователя, который хотел самоотверженно служить на Камчатке, а не властвовать, разумеется, не забыли».¹⁹

Дневники Иоганна Кегеля – еще один достоверный источник, позволяющий нам заглянуть в далекое прошлое наших предков. Сегодня, к сожалению, они имеют лишь историческую ценность. Будь они изданы 150 лет тому назад, они, несомненно, имели бы большую практическую пользу как для государства в целом, так и для населения Камчатки. Его доклад-описание полуострова Камчатка от 15 декабря 1842 года содержит лишь малую часть его исследований. По понятным причинам Кегель не счел возможным опубликовать свой труд при жизни. И это печально, как и печальна сама история пребывания его на Камчатке.

Да, он был упорным, целеустремленным, неподкупным и нетерпимым к несправедливости, лжи и лени человеком. Следует ли это отнести к недостаткам или все же при всем при этом отдать ему должное как прекрасному ученому-агроному и ответственному государственному служащему?

И как справедливо замечает профессор Ганно Бек, ставя Кегеля в один ряд с выдающимися исследователями Сибири и Дальнего Востока:

19 Там же, «Предисловие». С. VIII, IX.

«Его труд появляется в самый подходящий момент и напоминает как русским, так и немцам о длительном сотрудничестве, и не в последнюю очередь о помощи немецких путешественников-исследователей Даниеля Готлиба Мессершмидта, первого исследователя Сибири, Александра Гумбольдта, объехавшего Сибирь вплоть до китайской границы, и Кегеля с его последователями.

Мы никогда не забудем, что сотрудничество, взаимопомощь и выручка являются задачами, на которые указала нам история после бесполезных войн.

В этом отношении Иоганн Карл Эренфрид Кегель является примером, достойным не только восхищения».²⁰

Знатоки истории, географии, этнографии давно привыкли к тому, что в любом перечне книг о Сибири обязательно встречаются имена немецких ученых. Так, первая «История Сибири» была написана Герхардом Миллером, который открыл для науки имена Семена Дежнева и других землепроходцев. XVIII век дал российской и мировой науке фундаментальный труд Георга Стеллера «Описание земли Камчатки», лишь недавно переведенный на русский язык и во многом дополняющий одноименную работу Степана Крашенинникова. В те годы материалы по этнографии народов Северо-Востока собирал Яков Иоганн Линденау, а позже, в конце века, – врач Карл Мерк, участник экспедиции И. Биллингса и Г.А. Сарычева.

Фундаментальные труды немецких ученых, живших в Германии и России, стали настольными книгами для исследователей многих поколений, представляющих самые разные научные специальности. Память о выдающихся предшественниках, труды которых на многие годы определили направление развития наук, бережно сохраняется на родине ученых – в Германии – и в той стране, где жили и работали многие из них – в России. Появляются новые издания классиков науки, издаются переводы сочинений на русский язык, публикуются архивные материалы, организуются научные конференции. Все это является одним из проявлений сотрудничества новых поколений ученых России и Германии.

Весомый вклад немецких ученых в исследование Сибири и Дальнего Востока, особенно в XVIII веке – яркий пример подобного сотрудничества.

Мы, жители «земли Камчатки» вправе гордиться тем, что именно наша земля, равно как и Сибирь, явила миру столь замечательных ученых. Их личности, их наследие привлекали, и будут привлекать наше внимание снова и снова.

Литература

Немцы в России 2004. Историко-документальное издание / Отв. редактор Г.И. Смагина. - СПб.: Лики России.

20 Там же, «Предисловие». С. VIII, IX.

- Островский Б.Г. 2003. Великая северная экспедиция // Врата Сибири. Литературно-художественный и историко-краеведческий альманах. Тюмень: «Тюменский издательский дом».
- Сгибнев А.С. 2008. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г.г. // Вопросы истории Камчатки. Выпуск 2. - Петропавловск-Камчатский: Холдинговая компания «Новая книга».
- Kegel, Johann Karl Ehrenfried 1841-1847 [1992]: Forschungsreise nach Kamtschatka: Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel. Erstveröffentlichung eines verschollenen Manuskriptes des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847. Werner Friedrich Gülden (Hg). Köln, Weimar, Wien: Böhlau.